

Пришло известие о кончине выдающегося испанского кинорежиссера Луиса Бунюэля. На 84-м году жизни.

О нем и его фильмах написаны и еще будут написаны многие статьи, исследования, книги. Фигура сложная, противоречивая. В его творчестве отразилась диалектика породившего его времени. В нем трагизм скепсиса и пессимизма, столь свойственный многим талантливым художникам буржуазного мира, но в нем и живо выраженный протест против всего, что мешает развернуться и расцвести в человеке человеческому, искренне высказанные сострадание, надежда, вера в высокое конечное предназначение личности.

Даже мимолетные штрихи к портрету такого человека, те или иные высказывания бывают показательны. И тогда, когда звучат они как самохарактеристики, являются как бы частью самоанализа художника, самооценкой творчества, собственного мирозерцания и, конечно, когда выражают отношение к нашему, советскому кино. Подобное, я уверен, всегда стоит того, чтобы быть зафиксированным, чтобы не потерялось оно, не забылось.

В случае с Бунюэлем это тем более важно, что он редко давал интервью. Данное обстоятельство подтверждает и такой авторитет, как Сергей Юткевич. Загляните в его предисловие к книжке «Луис Бунюэль», вышедшей пять лет назад в издательстве «Искусство». — он об этом пишет. Были ли на то у Бунюэля особые соображения, или причиной была глухота, но это так, и можно понять волнение, с каким мы, три советских кинематографиста, остановились у железных ворот, вмурованных в каменную ограду, где-то на одной из улиц Мехико.

Первой на звонок откликнулась суматошным лаем собака, потом открылась калитка и немолодая, но очень экспансивная женщина, жена хозяина, радостно всплеснула руками, с ходу по-русски, но с акцентом заявила: «Я вас люблю!» Потом повлекла нас в дом.

Бунюэль стоял в прихожей. Он был в рубашке, обвисающей с худых плеч, улыбался большим ртом, огромные глаза казались еще больше за толстыми стеклами очков, и еще обращали на себя внимание невероятные уши, словно две ладони, приставленные к лысому черепу.

— Говорите громче, он плохо слышит, — сказала хозяйка.

Небольшая комната, три широких окна в жалюзи, за ними деревья. В простенке справа — темный картон, женский профиль, на стене сзади взятая в раму большая схема Парижа. Хозяин сел на узкий диванчик, на который тут же вспрыгнула тяжелая, на тонких беспородных ножках собака. (Любителям документальной точности могу сообщить кличку — Тристана.)

— На каком языке будем говорить? Французском, английском, испанском? — спрашивает он.

Решаем по-испански, благо один из нас хорошо его знает.

Описываемое происходило весной 1979 года. В тот год отмечалось 60-

У ЛУИСА БУНЮЭЛЯ

На съемочной площадке французская актриса
Катрин Денев и Луис Бунюэль.

летие советской кинематографии, и предполагалось, что Бунюэль в числе одиннадцати крупнейших кинематографистов мира будет награжден памятным призом за выдающийся вклад в развитие искусства экрана. Для этого было желательно его присутствие в Москве, на XI Международном кинофестивале. Нам было доверено передать Луису Бунюэлю, персональное приглашение.

С этого сообщения и началась беседа. Автор «Назарина», «Андалусского пса», «Виридианы», «Млечного пути», «Тристаны», «Скромного обаяния буржуазии» выслушал нас с чрезвычайным, даже напряженным вниманием. Тут уместно заметить, что советские зрители видели далеко не все фильмы Бунюэля, и были на то разные причины. Бунюэль знал об этом, естественно, наверное, огорчился. Тем более нельзя было не оценить то дружелюбие, с которым он сказал:

— Спасибо за добрые слова обо мне... Я всегда с интересом относился к Советской России. У меня было много друзей среди русских. Например, Эйзенштейн, Юткевич. С ними познакомился еще в тридцатые, сороковые годы. Юткевичу привет, пожалуйста, передайте... В начале тридцатых годов возникали даже проекты моей постановки в России. Тогда Андре Жид, Арагон, Вайян-Кутюрре проявляли к этому интерес. К сожалению, тогда ничего не получилось. Сейчас я слишком стар. Уже лет пять как я вообще отошел от кино...

— Но кино не отошло от вас.
— Да, но я отошел. За добрые слова спасибо. Но если бы я мог, я бы сегодня сжег все 32 своих фильма.

Он сказал это просто, без всякого намека на какую-либо аффектацию. Что за этим? Высокая требовательность мастера? Горечь неосуществленных намерений? Только настроение момента? Или, наоборот, выстраданное осознание

того, что сделанного все-таки слишком мало, если соотносить с высказанным им же когда-то собственным кредо: «Я всегда говорю только о том, что близко моему сердцу... От кино я требую, чтобы оно было свидетелем всего значительного, что происходит в реальной жизни на нашей планете».

— В феврале будущего года мне исполнится восемьдесят, — продолжал Бунюэль — я давно никуда не выезжаю. Вы говорите про август? — Он откинулся на спинку дивана, сделал округлое движение руками, будто собираясь взлететь, и почему-то посмотрел за окно, где в это время видимый в просветах жалюзи прошел сквозь зелень человек со стремянкой. — Если ехать, то когда снег, морозы, зима... Нет-нет! — Он прижал ладонями колени. — Я боюсь такого долгого путешествия, можно пневмонию получить. Хотя в конце-то концов мне все равно, где умереть, покинуть этот ужасный мир и отправиться к богу. — Тут он лукаво прищурился. — Про бога я сказал просто так. Я атеист. — И он повторил где-то уже опубликованные его слова: — Бог меня не интересует, меня интересуют только люди...

Он, родившийся в 1900 году, жил и рос вместе с веком. Двадцати четырех лет, после установления в Испании военной диктатуры Примо де Риверы, эмигрировал во Францию, где началась его биография кинематографическая. Здесь он родился для искусства экрана. Вот отчего — карта Парижа... Ему, старику, удобно, наверное, бродить по ней глазами, повторять в памяти пути молодости... К парижскому периоду относится его служба в посольстве Испанской республики во Франции. Когда к власти приходит Франко, Бунюэль уезжает в США. С 1946 года он в Мексике. Здесь сделано большинство его фильмов. Ни один серьезный историк мексиканского кино не обойдет теперь стороной вопрос активного влияния творчества Бунюэля, его разоблачений религиозного лицемерия и буржуазной нравственности на развитие прогрессивного мексиканского кинематографа.

Отошел от кино... Готов сжечь все 32 своих фильма... И вместе с тем сейчас он не производит впечатления человека подавленного, а тем более раздавленного. Нет, этот привет из Москвы, в которой он никогда не был, но где, он узнал об этом с очевидным удовольствием, его ждут, готовы приветствовать, вызывает в нем энтузиазм, он ищет варианты, принимается обсуждать проблему поездки на Московский фестиваль своего представителя: или сценариста, с которым много работал, Жана-Клода Каррьеера, или своего друга, режиссера и сценариста Сауры, женатого на Джеральдине Чаплин. Вот через пару недель приедет Джеральдина, мы с ней посоветуемся...

За разговорами проходит более часа. Пора прощаться...

— Если бы я был моложе, — повторяет Бунюэль, пока мы все вместе идем к калитке, и, как бы прислушиваясь к звучанию самого слова, добавляет: — Москва...

Сам отодвигает защелку, всем пожимает руки. Они стоят в проеме ворот, два старых человека, улыбаются, прощально кивают. «Я вас люблю!» — с удовольствием повторяет старая женщина и смотрит сначала на нас, потом, снизу вверх, на Бунюэля.